

Окончание. Начало в "PM" №4179.

Руфь Зернова

Дачные соседи

Воспоминания о Сергее Довлатове

— Я приехал, — рассказывал Довлатов, — звоню Бродскому. "Ося, — говорю, — как ты понимаешь, я очень хотел бы тебя увидеть".

— Мы, кажется, были "на вы"?

Я немею.

Он торопливо продолжает:

— Но потом — все было. И переводчица, и издатель...

Я говорю:

— Переплюнул Сталина.

— Как это?

— Сергей Кавтарадзе, незадолго перед тем возвращенный из тюрьмы, пришел к Сталину докладывать, как идет перевод "Витязя в тигровой шкуре". Сталин сидел за письменным столом. Кавтарадзе подошел и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

А тот посмотрел искоса и сказал:

— Мы, кажется, были "на ты"?

(Это рассказывала мне когда-то дочь Кавтарадзе Мая, которая в ту пору была пионеркой.)

В Нью-Йорк приехала из Ленинграда Вика Беломлинская. Ее рассказы я помнила еще с прежних, доэмигрантских времен. Сережа их прочел — ему они тоже понравились. Он рассказывал:

— Я ей говорю: и главное, это совершенно непохоже на... ну, тут я назвал одну здешнюю писательницу. А она говорит: как можно даже сравнивать!

И посмотрел на меня с пытливым ожиданием.

Я не спросила, как зовут писательницу. Не доставила Сереже этого маленького удовольствия.

— Руфь Александровна! Вот у вас в статье о Вигдоровой говорится: "Вокруг нее, где бы она ни жила, возникало «Телемское аббатство»"... Почему вы не объясняете, что такое "Телемское аббатство"?

— А зачем я буду объяснять?

— Так люди же не знают!

— Так пусть спросят у тех, кто знает.

— По шотландскому анекдоту. Висит объявление: кузница в третьем доме от угла. — А если человек неграмотный, как он узнает? — Пусть спросит у грамотного!

— Правильно, пусть спросит у грамотного. Литература должна развиваться!

— Гм!

— Я считаю, что Битов — скучный писатель.

— Я так не думаю. Мне он очень интересен. И с самого начала был интересен. Мы с ним дружили в Ленинграде. Он к нам часто приходил...

— А зачем?

— То есть как — зачем?

— Ну, Битов не такой человек, чтобы просто приходить...

Молчу, перевариваю. Потом спрашиваю:

— А вы зачем приходите?

И он... промолчал.

— Бабушка, — говорит Лиза, — а завтра ты не будешь пасьянс раскладывать. Завтра суббота, придет дядя Сережа с пирогом...

И правда — он всегда приходил с пирогом.

— Вот вы, любители Пановой... Она записывала: Читала Томаса Манна. Люди лучше у меня, эпоха — у него.

— Как-то раз Довлатов похвастался:

— А я купил новый мундштук!

— И я!

— Вчера?

— Вчера!

— Махнемся не глядя?

Махнулись. Мундштуки оказались вполне равноценными. Сложился обычай. Каждое лето мы обменивались мундштуками.

Мы дарили друг другу свои книжки. Неравноценный обмен: у него за это время вышло одиннадцать книжек, у меня — две. Вторую — "Это было при нас" — я послала из Израиля. Ответ пришел очень быстро.

"Как однажды сказал Миша Юпп — Анне Ахматовой по поводу ее сборника стихов: «Многое понравилось».

...Готовлюсь к лету, в частности,

репетирую несколько историй про мою дружбу с семейством Гетти".

И приписка на полях письма:

"Признайтесь, что из всех РУССКИХ, кому вы послали свою книгу, откликнулся пока я один".

Пришлось признаться.

Но этим он не ограничился. Через месяц он сообщил:

"Я написал скрипт о вашей книжке (позитивной направленности) и огласил его. Копию сохранил".

Скрипт был написан для радиостанции "Свобода" и действительно был сохранен до нашего приезда. Я прочла и предложила:

— А давайте пошлем это в "Русскую мысль". Хотя небольшие, но деньги.

— Ну... пошлите вы.

Послала. Напечатали. Одна любительница моих произведений на Би-Би-Си осталась недовольна — она ждала восторгов. Вскоре появились рецензии Хейфеца и Капитайкина на эту же книжку, и недоволен остался Довлатов:

— Пишут то же самое, что я. Я пишу про чувство истории, и они про чувство истории. Что они, сами ничего не могут придумать? Как сговорились.

— А может, оно в самом деле там есть?

— Что? Где?

— Чувство истории. В книжке.

Довлатов подумал и сказал:

— Может быть.

Из апрельского письма:

"Вы спрашиваете: «Где вы летом?» Ничего себе. Мы сняли два, так сказать, бангало через дорогу от вас, пляж общий, короче — соседи".

В то время шли у них разговоры о покупке дома, отсюда и мой неуместный вопрос. Дом был куплен в следующем году — к нашему огорчению: мы перестали быть соседями.

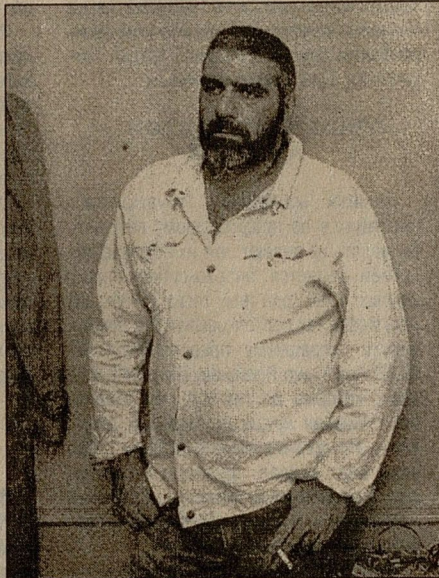
В том же письме — про текущие "там" события:

"Закономерность такова: чем умнее советский интеллигент, тем мрачнее его отношение к перестройке. Фазиль Искандер сказал: «Кошмар». Соснора (человек умный) высказывался в том же духе".

Наступило долгожданное лето. И

между нами возникло неудовольствие. Литературное.

В наши края приехал польский, ка-

Сергей Довлатов.

жется, театр с новой пьесой и с Барбарой Брыльской в главной роли. Играли на английском языке. Сережа должен был писать скрипт об этом представлении. Ехать в театр ему не хотелось. Упросил меня это сделать — посмотреть, написать и получить причитающиеся ему деньги. Принес мне билеты.

Мне понравилась пьеса, спектакль, Барбара Брыльская. И про все это я написала, по моим понятиям хорошо. Довлатов оставил от моего текста одну фразу — про воспоминания, которые вылезают из-под кровати. Свой совершенно новый текст он дал прочитать мне, а потом заставил меня еще и деньги взять. В общем, повисло между нами некое неудобство.

— Он должен был понимать, что я пишу иначе. На что он рассчитывал, не понимаю! — жаловалась я мужу.

Неудобство некоторое время повисело, потом отодвинулось. Под влиянием других событий.

Открылась железная дверь, упал железный занавес, из России в Америку стали приезжать старые друзья и новые знакомые. А в самой России стали печатать "бывших". И одним из первых — Довлатова.

В марте 89-го года Довлатов пишет нам: "Так что, что-то происходит, хотя ничего и не меняется. Я наконец-то сформулировал метафорически свое отношение к сов. литературе, и вот разрешите мне вас с этой формулировкой-метафорой ознакомить. Представьте себе, что некий юноша влюбился в красивую, развратную, взрослую женщину, а она им пренебрегла, и тогда он уехал с горю в Америку, женился, родил детей, стал человеком, и вдруг он узнает через десять лет, что эта женщина замуж так и не вышла, и более того, проявляет к нему интерес и готова встретиться. И вот он, с одной стороны, взволнован, а с другой — думает: «Ты уже и десять лет назад была не очень молодая и к тому же неверная и бесчестная, а теперь, когда тебе ампутировали ногу, вставили железные зубы и так далее, ты меня и совсем не должна интересоваться». Но какое-то волнение и беспокойство остается, хотя и женился, и даже просто «е кошку» уже поздно. Вот так".

И еще: "К вашему приезду у меня выйдет три книжки, но нового я ничего не пишу, и не тянет. Настроение отвратительное.

Ваш С."

Три книжки — вероятно, переводы. Переводов он не дарил: они были среднего качества. Сравняться с довлатовским текстом переводчику нелегко. А оригинальные книжки у нас собрались все, и только одна — "Филиал" — оказалась без надписи. Она вышла в 90-м году. Вероятно, мы ее приобрели, когда автора не стало.

Среди надписей на его книгах есть забавные. Например — на книжке "Иностранка": "Серманам-старшим на предмет безудержного восхищения". И мы восхищались — и тогда, и теперь. Безудержно.

А сейчас я сделаю подарок любителям Довлатова. Настоящий.

Надпись на книге "Заповедник". Издательство "Эрмитаж", 1983.

Экспромт
(извините за качество)

Позвольте новый "Заповедник" преподнести вам от души:

Не все из книг моих последних
Так безупречно хороши!

Пускай Илья Захарыч Серман
Истреплет этот экземпляр
В своем стремлении непомерном
Подметить мой растущий дар.

Пускай строчит мой благодетель
Не зря его всегда любил:
Старик Державина заметил,
Да и меня благословил.
С."

Эта книга была подарена после того, как в 1985 году в журнале "Грани" появилась статья Ильи Захарыча Сермана "Театр Сергея Довлатова". Это была первая большая статья о Довлатове, появившаяся на русском языке.

Володя Соловьев, с которым Довлатов был дружен и каждый вечер гулял по сто восьмой улице, написал, что ни одна из статей, о нем написанных, Довлатову не понравилась (к тому времени статей уже было много). Это меня не удивляет.

Есть у меня рассказ "Лето девяностого года", написанный о жизни в том самом Кэтскилле. Довлатов проник в этот рассказ без фамилии — и даже против моей воли, но, проникнув, он, как всегда, сразу же всех собой заслонил. Дора Штурман написала, что Довлатов был бы этим прощанием доволен. Ох, не знаю.

Авторы вообще народ неблагодарный — им всегда кажется, что критик, даже самый восторженный, не уловил главного.

А что главное?

Вот как писал Антон Павлович Чехов за сто лет перед тем:

"Литературное общество, студенты, Евреинова, Плещеев, девицы и проч. расхвалили мой «Припадок» вволю, а описание первого снега заметил только один Григорович". Горькая обида, не правда ли?

И в заключение — чуть-чуть мистики.

Летом девяносто первого года мы гуляли по кэтскильскому лесочку с моей подругой и переводчицей Леной Рив. Вспоминали Довлатова. Я сказала ей о нашем обычае обмениваться мундштуками.

Через несколько шагов я увидела — что-то заалело в траве. Нагнулась — мундштук. Маленький, красный. Он и сейчас у меня.

Иерусалим — Париж

Печатается
с небольшими сокращениями

Довлатов Сергей

- парсин. -

86.06.-8.07.99.